



АНДРЕЙ ШОППЕРТ

ВОВКА ЦЕНТРОВОЙ

К Н И Г А # 5

Андрей Готлибович Шопперт

Вовка-центровой 5

Серия «Вовка-центровой», книга 5

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69739312

Аннотация

Владимир Фомин продолжает играть за московское «Динамо» в футбол и хоккей. Кроме того команда СССР едет на 8 Зимние студенческие игры в Чехословакию (Шплинегров – Млын). А там не за горами и отборочные матчи на чемпионат мира в Бразилии по футболу.

Содержание

Глава 1	5
Событие первое	5
Событие второе	10
Событие третье	14
Глава 2	20
Событие четвертое	20
Событие пятое	25
Событие шестое	30
Глава 3	35
Событие седьмое	35
Событие восьмое	41
Событие девятое	46
Глава 4	50
Событие десятое	50
Событие одиннадцатое	58
Событие двенадцатое	63
Глава 5	68
Событие тринадцатое	68
Событие четырнадцатое	73
Событие пятнадцатое	79
Глава 6	84
Событие шестнадцатое	84
Событие семнадцатое	89

Андрей Шопперт

Вовка – центровой – 5

Глава 1

Событие первое

*Всё в нашей жизни приходит в своё время. Только
надо научиться ждать!*
Оноре де Бальзак

Счастливые часов не наблюдают.
Александр С. Грибоедов

Дорога домой всегда длиннее. И почти не важно, что там «дома» барак или даже землянка, или двухкомнатная квартира в центре Москвы. Там – дом. Хочется быстрее оказаться «под крышей дома своего», как споёт товарищ Антонов. Даже если там сварливая жена или если это, как у Третьякова Вовки, просто общага с короткими нарами и храпящим соседом.

А ещё само время даже сопротивляется, когда спешишь домой. Всегда же... Да, почти всегда, летишь домой с запада на восток. И тут включаются в работу часовые пояса. Пе-

релетел очередной и бах – плюсом час. Смотрел Фомин на трофейные золотые часы, и понимал, что при самых благоприятных обстоятельствах, эти два часовых пояса если добавить, то полночь получится. О чем с сидевшим рядом Савиным и завёл разговор. Начальник Отдела футбола и хоккея Спорткомитета СССР, записывающий что-то в блокнот карандашом химическим и превратившийся из-за частого слюнявливания грифеля в зомби с зелёно-синими губами, глянул на свои маленькие, местами тронутые зеленью, часики и кивнул.

– Пойду, лётчиков спрошу.

Вернулся он минуты через три – четыре и сообщил громко на весь самолёт, что из-за сильного встречного ветра летят они совсем медленно и вроде как придётся в Варшаве ночь опять провести. В Москве снегопад.

Народ, который не спал, загудел, всем домой хотелось. И тут самолёт резко на крыло лёг и высыпал тех, кто на левых сиденьях сидел, в проход. Поднявшись, Сергей Александрович назад в кабину поспешил. Вернулся не скоро.

– Мужики, Варшава тоже не принимает, и до них снегопад добрался, повернули пилоты на юг и теперь летим на Прагу. Там придётся ночевать. Да, минут через десять над Дрезденом будем пролетать, можно будет посмотреть, во что его американцы превратили. Командир, говорит, что ни одного дома целого не осталось. Ну, это им за Ленинград, – очень короткостриженный и сильно полысевший участник войны

сверкнул очками и погрозил кулаком в сторону пилотов.

Фёдор Челенков усмехнулся, немного времени пройдёт и бомбардировка Дрездена станет «варварской» и ненужной. Американцы окажутся не союзниками, а злейшими врагами, а немцы из Дрездена союзниками. А потом и они врагами. И всё за одну жизнь.

Прага встретила хоккеистов солнцем, даже не верилось, что где-то могут идти такие мощные снегопады, что в ту сторону и лететь нельзя. Их долго не выпускали из самолёта, хорошо, хоть разрешили открыть дверь. От неё тянуло холодом, но этого люди не замечали, несмотря на явно не герметичный салон, двадцать один человек закрытый в этой железной бочке надышали, напыхтели и даже накашляли, ещё пару человек явно успела найти где-то в Париже вонючий самогон (по ошибке названный коньяком, не знают дикие европейцы, что коньяк может быть только армянским), и сейчас в салоне этот перегар самогонный превалировал над другими запахами. Даже запах пота и гуталина пересиливая. Открыли дверь, и в неё ворвался пусть холодный, но свежий ветер, разве чуть запахом топлива разбавленный.

Вместе с капитаном или командиром самолёта на улицу вышел только руководитель их делегации Фоминых Владимир Сергеевич. Не было товарищей примерно полчаса, все успели замёрзнуть, солнце перевалило полуденную черту и ещё и за небольшие облачка стало прятаться, сразу и похолодало. Капитан государственной безопасности, известный

также как Семён Тихонович, кашлянул пару раз и пошёл, закрыл дверь, он простыл в Давосе, целыми днями сидя на стадионе и оберегая наших хоккеистов от тлетворного влияния Запада.

– Задохнёмся же..., – Пробасил нападающий «Динамо» Николай Медведев

– Кха! Кха! – ответил ему боксёр бывший (ну, нос-то свёрнут) и тем снял вопрос оппонента.

Не задохнулись, вернулись ходоки к местным властям.

– Пока посидим в зале для военных. – Сообщил Фоминых и народ, устроив давку, ринулся на улицу.

Вовка сидел на проходе, куда ему с таким ростом к окошку жаться и был вынесен толпой одним из первых. Он ушёл с дороги засидевшихся хоккеистов и первым делом глянул на восток.

– Нда...

– Чего? – подошёл к небу боксёр.

– Посмотрите туда, Семён Тихонович.

– Застряли, – с северо-востока надвигались просто чёрные тучи.

Зал, в который их отвели, никаким залом не являлся. Это была обычная казарма. Ладно, это была необычная казарма. Зал был примерно тридцать метров на шесть. В одну сторону были составлены двухъярусные железные кровати, а на свободной правой половине стоял теннисный и бильярдный столы и к журнальному столику были придвинуты три кресла

очень низких и плюгавеньких на вид, Фомин бы в такое сесть побоялся, раздавит и в стороны и... И вообще раздавит.

Вовка прошёл к одной из кроватей и пошатал её. Хотя эта была железная и должна его выдержать. Проходя мимо стены за бильярдным столом назад, Вовка мазнул взглядом по небольшому плакату или афише, скорее, со стилизованным лыжником синим на голубом фоне. Внизу была надпись на чешском и Фомин уже было совсем прошёл мимо, но тут мозг среагировал чуть и запоздав немного, но среагировал на часть надписи. Она была на английском.

Фёдор Челенков если переводчиком с английского при президенте и не работал, то язык вероятного противника знал прилично, потому вернулся и прочёл.

– Хм! Сергей Александрович! – он замахал рукой Савину.

– Что случилось, Фомин? – Начальник Отдела футбола и хоккея Спорткомитета СССР в запотевших с мороза очках пробился через баулы и клюшки к стене.

– Прочтите.

– Как тебя в команде обзывают? Артист? Издеваешься? Ты знаешь чехословацкий?

– Чешского не знаю, словацкого тоже. Вот тут есть повтор на английском.

– Пф. Я только немецкий, да и то так по верхам.

Событие второе

Аппетит приходит во время еды – особенно если едите не вы.

Из-за стола нужно вставать полуголодным, а не полуживым!

Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть.

Сократ

– Чехословакия (Шплинегров – Млын) 30 января – 6 февраля 1949 года. 8 Зимние студенческие игры. Хоккей, лыжи, фигурное катание. – Вовка ткнул пальцем в английский текст, а потом и в самый верх афиши, где то же самое было написано, но без обозначения видов спорта. – Тут ещё написано, – Фомин снова к английскому тексту вернулся, – что это студенческий чемпионат мира.

Савин сам пальцем по афише поводил, а потом отошёл на шаг, снял очки, совсем запотевшие, и начал их протирать носовым платком. Молчал, чуть отпыхиваясь морозным воздухом, может, в помещение и было теплее, чем на улице, но не сильно. В районе нуля, наверное.

– Аппетит разыгрался? – Сергей Александрович водрузил круглые, смешные немного очки на нос.

– На настоящий Чемпионат Мира в этом году точно не попадём. Аполлонов мне говорил, что мы не подали даже

заявки ещё на вступление в федерацию хоккея на льду. Сюда же вполне можно подать заявку и потом преподнести это в газетах, как победу нашей сборной на Чемпионате Мира среди студентов.

– А если чехам продурим? – Ну, правильный вопрос. Сталин настолько в этом вопросе максималист, что любая неудача кончится печально, в том числе и для спортивных начальников. И в отличие от спортивных функционеров будущего эти не столько за себя боятся, хоть и это есть, сейчас люди боятся навредить спорту, с которым связали свою жизнь.

– Сергей Александрович, это студенты, а не ЛТЦ. Мы разбили несколько раз ЛТЦ, что уж со студентами не справимся. А, вообще, вы сейчас меня на интересную мысль навели. Нужно отправить от СССР две команды, одну вот нашу, может, удалив из неё тех, кто не учится, не много таких, и есть, кем заменить, по одному человеку в звене заменить это не критично. А вторую команду набрать из Прибалтийцев, там полно команд и можно собрать одну студенческую сборную Прибалтики. Они выступят хуже нас, тут ни к каким гадалкам ходить не надо. И это хорошо. Руководство нашей страны поймёт разницу. И получит козырь в то же время, вот мол, мы какие, новые наши республики не зажимаются, а вместе со всем Советским народом строят коммунизм, занимаются спортом. Живут в единой братской семье.

– Фомин, ты кто такой? – сзади раздалось.

Вовка обернулся, а за ними стоят боксёр из МГБ и Фоми-

ных.

Вот Фоминых и задал вопрос. А Семён Тихонович с неизвестной фамилией ржёт, в голос причём.

– Нравится?! Да, Владимир Сергеевич, это вам не затюканный выпускник МГИМО в вашем министерстве. Это дворовый парень из Куйбышева с восемью классами образования и двумя прямо интересными значками, он член Союза Писателей и Союза Композиторов. И сейчас ещё и сценарий к фильму написал. И английский лучше вас знает. Но ему всё можно. Его в голову молнию тюкнула. Был обычный поселковый парень, хоть и с хорошими родителями, а стал уникальным человеком, которого Иосиф Виссарионович мне лично поручил охранять. Так, что ты Володя тут про дружбу народов тут Савину втираешь?

Пришлось Вовке, покраснев, как рак, начинать снова.

– Я к хоккею никакого отношения не имею. Но как... А как болельщик двумя руками за, – запнувшись чуть не назвав кто же он такой на самом деле, подвёл черту боксёр. Кто же с МГБ спорить будет.

– Я наведу справки. Узнаю всё про этот... эти студенческие игры. И про хоккейный турнир на них. Ну и про Прибалтику, мне лично эта идея нравится. Сам бы лучше не придумал. Правильная тебя молния ударила Володя.

– Я еле выжил и всё, что знал, забыл, даже, как родителей зовут. – Решил на жалость сыграть Челенков.

– В накладе не остался. Вон, какие речи задвигаешь. Мо-

лотову впору. – Фоминых прочитал несколько раз афишу, и хотел было идти, но потом вернулся и попытался отодрать её от стены. Удалось легко, стены явно побелены мелом, и бумага отстала вместе с небольшим количеством этого мела без проблем. Владимир Сергеевич отряхнул прилипшие кусочки мела и клея и, свернув в трубочку афишу, пошёл к выходу.

– Товарищ начальник, а нас кормить будут, – выскочил ему на встречу Бобров.

– Обещали, сейчас схожу, потороплю. И что-то думать надо, если тут ночевать, то простынем же. Топить надо. Всё, из помещения не выходить. Меня ждать! Все слышали! – Фоминых повысил голос, оглядел столпившихся у входа и стоящих папиросы хоккеистов, – Не выходить. Мы в чужой стране и без виз.

Событие третье

*Те, кто говорят, что кушать ночью нельзя
пусть попробуют объяснить, для чего нужен свет
в холодильнике!*

*Ничто не делает ужин таким вкусным, как
отсутствие обеда.*

*Натощак так хорошо и свободно думается, но
почему-то – в основном о еде.*

Обедом назвать, то, что принесли в эту казарму чехи, назвать можно с такой натяжкой, что тянуть нужно с помощью трактора. К-700. Есть ещё мощней? Был армейский термос на десять литров и там был тёплый, но далеко не горячий, чай и туда бросили не сахар, а сахарин. Народ пил и даже не морщился, привыкли за войну, а Вовка выделенную ему порцию впихивал в себя насильно, противный химический привкус долго ещё потом держался во рту, и требовалось это чем-нибудь перебить. Сжалившись над молодым, боксёр, смотревший с укоризной на его плевание и заедание снегом, поманил в угол, куда баулы скидали, достал початую бутылку коньяка и строго глядя в переносицу буркнул:

– Один глоток. Эх, молодёжь. На фронте сахарин за счастье был.

Фомин глоток сделал. Коньяк был ещё хуже, чем сахарин, он был жёстким и драл горло. Гадость. А ведь Реми Мартин (Remy Martin) на бутылке написано. Или это организм Вовки не привык к спиртному?

Но чай был не единственным разочарованием в меню обеденном. Вторым был хлеб. Дали тонюсенькую скибочку весом грамм в тридцать, почти прозрачную. Хлеб оказался пресным, подсушенным и пах каким-то машинным маслом. Вовка в войну питался, должно быть и худшим, но в памяти Челенкова это не отразилось. К тому же уже 1949 год начался. И Чехословакия почти не пострадала от войны.

Последним разочарованием была каша. Дали перловку, мало, не солёную, переваренную и без малейших признаков хоть подсолнечного или какого другого масла. Просто в деревянной миске с обломанными краями принесли три ложки размазни.

И это весь обед.

После обеда, как раз, запив размазню противным чаем, Вовка и пошёл на улицу, хоть снегом заесть. Нашёл позади казармы незатоптанный участок, лицо растёр и прожевал пару пригоршней. В это время смотрел на северо-восток. За час далёкая чёрная туча на горизонте превратилась в полностью чёрное небо и только на западе ещё виднелась голубая полоска. Резко похолодало и снег уже даже начал падать, крупными снежинками, редко и вертикально. Ветер совершенно унялся.

Вовка, приняв глоток коньяка, и, избавившись от противного привкуса во рту, решил пренебречь приказом Фоминых и обследовать ближайшие подступы к казарме. Автоматчиков с немецкими овчарками поблизости не было, даже какого-нибудь работника аэропорта или таможни там и то не наблюдалось. Никому русские хоккеисты не нужны. Обход казармы по кругу принёс отличную новость. Дрова были. Они ровной поленницей были сложены в торце казармы. Вовка набрал охапку и поспешил назад в помещение. Там на глазах становилось холоднее.

– Артист! Запретили же выходить? – принял от него дрова Бобров. И сразу стал хлопывать себя по карманам, ища спички. Ели и даже пытались играть в бильярд сломанным кием в пальто.

Сразу после обеда все руководители их делегации отбыли в Прагу. Фоминых дозвонился до министерства иностранных дел Чехословакии из аэропорта и те пригласили Савина и его в Прагу для обсуждения участия российских хоккеистов в зимних студенческих играх. С ними и боксёр увязался, хоть не знал ни чешского, ни английского. Старшим остался Чернышёв. Он вакханалию разжигания печи и прекратил.

– Фомин, Третьяков, за дровами. Мужики посмотрите у кого ненужная бумажка есть? Сам чиркнул зажигалкой и растопил буржуйку, что нашлась у дальней стены. Точнее буржующу. Печь была из железа, но не маленькая, а вполне

себе, почти как настоящая.

Вовок местные полицейские поймали на третьей ходкой за дровами, запихнули в казарму и закрыли дверь снаружи на ключ. Хорошо, хоть дрова не отобрали. Сами встали рядом, через дверь слышно было, как они переговариваются, но на просьбу открыть и ещё принести дров не отвечали. Словно это их и не касалось. Самое интересное, что даже нашёлся человек отлично владеющий чешским. Фомин почему-то думал, что Зденек Зигмунд переманенный Василием Сталиным из «Спартака» в МВО ВВС прибалт какой-нибудь, латыш, например. А он оказался чехом. Не эмигрант и не пленный вовсе. Родился в Астрахани в чешской семье ещё до революции в 1916 году. Он попытался уговорить полицейских разрешить принести дров, но те даже на родную речь не откликнулись.

Место у печи занял младший Тарасов Юрий, которого в команде нарекли «Багратионом» за портретное сходство со знаменитым полководцем. Нос выдающийся и кучерявые чёрные волосы. Он отогнал всех от агрегата и сам по одному, время от времени, закидывал в прожорливую утробу печи по полешку – экономил. Вся команда замёрзла и жалась к печи, хоть толку от той пока и не много было. Этого огромного железного монстра ещё раскочегарить надо.

Фомин посмотрел на толкающихся хоккеистов и решил, что так точно можно простыть. Вытащил оттуда Третьякова и устроил с ним тренировку по боксу, используя вместо тени.

Потом наоборот, сам прыгал, уклоняясь от неумелых джебов длинного Вовки. Вскоре от обоих пар валил.

Народ уяснив, что у печи околеют, тоже разбился на пары, кто пытался бороться, кто выполнить несложные кульбиты. Таковую картину, со взмыленными и уставшими спортсменами, и застали вернувшиеся руководители делегации. Не сразу, но им удалось договориться с руководством аэропорта, что рабочие занесут им дров и потом принесут чай с хлебом.

– Чем переговоры закончились? – Фомин протолкался к греющемуся у печи руководителю их делегации.

– Пока ничем. Точно не нужны лыжники и фигуристы, там все места заполнены, приглашали ещё месяц назад. А вот с хоккеем канадским непонятно. Приглашены польские студенты и английские, польские вроде бы должны приехать, а из Великобритании непонятно пока. Я так понял, что это именно те канадцы, что с ними в Давосе играли. Учащиеся Оксфорда. Завтра обещают ответить. Ну, и мне тогда сообщат. Там проблема в том, что этот Шплинегров – Млын небольшой горнолыжный курорт в ста километрах на северо-востоке от Праги, на самой границе с Германией. Просто мест для размещения совсем мало. Парочка отелей и местные жители ещё сдают дома спортсменам. Там деревушка небольшая в горах, население не больше шести тысяч жителей. Не сильно это на Чемпионат Мира похоже. Но это ладно, может и повезёт, откажутся англичане, нужно ещё чтобы руководство СССР согласилось. Я до Аполлонова не позво-

нился, где-то в отъезде. Ему вечером передадут эту новость. Утром в десять часов он должен перезвонить в посольство наше.

– А с едой что? Мы же тут с голоду сдохнем! – подслушивающий их разговор Чернышёв вычленил главное. Они ни ночью, ни утром никуда не летят.

– Я в посольстве договорился, они из столовой нам доставят в восемь часов завтрак.

– Да, нам мы ночь простоять и утро продержаться, – зло махнул рукой динамовский тренер.

Добрый день, уважаемые читатели.

Начинаю новую книгу о Вовке. Прошлая давно была. Советую обновить в памяти. Вторая книга есть на Литресе в хорошей озвучке. Да и посмотрите, может кто в предыдущих книгах серии забыл на сердечко нажать. Не поленитесь.

Предлагайте дальнейшее развитие событий.

С уважением. Шопперт Андрей

Глава 2

Событие четвёртое

Победа никогда не приходит сама, – её обычно притаскивают.

Иосиф Виссарионович Сталин

– Фомин, ты подумал о переходе в нашу команду? – Василий Сталин после встречи «его» команды на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе и после обнимашек, когда все уже пошагали в сторону здания аэропорта, дёрнул Вовку за руку и мотнул головой, указывая на свой тёмно-вишнёвый «Кадиллак», стоящий метрах в двадцати.

– Я...

– Знаешь, как этот аэродром раньше назывался? – Вдруг перебил его идущий чуть позади и не попадающий в шаг с огромным, по сравнению с ним, Вовкой, Василий Иосифович.

– Нет.

– Центральный аэродром имени Льва Давидовича Троцкого. А до этого – Ходынский аэродром. Тут то самое Ходынское поле было. А ещё сейчас называют аэродромом ВВС Московского военного округа. – Василий догнал, наконец,

Фомина уже у самой машины, – Аэродром целый. Множество заводов и конструкторских бюро, тысячи лётчиков, а я пионера уговариваю.

– Комсомольца...

– Что? А, ну комсомольца. Так что решил?

– Василий Иосифович, – Вовка остановился у машины, – Я бы с удовольствием перешёл...

– Так переходи! – Сталин открыл дверцу, приглашая Фомина садиться.

– Я же там ребят, на «Динамо» тренирую. Это надежда СССР стать чемпионом мира по футболу. Может это единственный шанс. Вы же хотите, чтобы СССР стал чемпионом мира по футболу и хоккею?! – Вовка прикрыл дверь назад. Разговор важный и на ходу его вести нельзя. Нужны глаза собеседника.

Сталин кисло улыбнулся, даже сморщился скорее.

– А я знаю. Вот, с семнадцатилетним пацаном говорю, а знаю, что ты говоришь правду. Правда, не то слово. Знаю, что говоришь, будто будущее видишь. Правильная тебя, Фомин, молнию ударила. Но ведь суперкомандой можно и чемпионаты эти выиграть, чем это от сборной будет отличаться? Даже сыгранности больше. Если оставить эту команду, которую сейчас создали? Да ей в мире равных нет! – Василий начал заводиться.

– Василий Иосифович, у меня к вам чуть другое предложение есть. Вы только шашкой не махайте...

– Шашкой? А! Ну, говори своё предложение. – Махнул рукой сын вождя, без шашки, обиделся.

– После встречи с венграми осенью Володя Ишин так толком и не оправился, прихрамывает. Скорее всего, закончился он как футболист и хоккеист. Но он лучший из тех, с кем я тренировался. Он все мои наработки знает, и люди его... ребята его слушаются. Вам бы создать при ВВС МВО молодёжную команду и поставить туда Ишина тренером. И у вас через год, или через два будет суперкоманда. А если вы его поставите тренером вторым в хоккейной команде основной, то это её резко усилит. Я понимаю, что слушать девятнадцатилетнего салагу такие зубры, как Бобров, если вам удастся его переманить, или даже Тарасов, который «Багратион» не будут. Тренером нужно ставить Бочарникова, но переговорить с ним, что он будет советы Ишина воспринимать.

– Дурак ты, Фомин! – сплюнул Василий. – Садись, доброшу до дома. Ты всё же подумай. Хорошенько подумай. И это, ты мне песню про лётчиков должен. Чтобы на 23 февраля была. И уже на пластинку записанная. Садись. Не будет песни – обижусь.

Ехали по заснеженной Москве, буран и снегопад только оставили в покое столицу, и улицы ещё толком не начали расчищать. Дорога сузилась до двух с небольшим метров и, если попадалась машина навстречу, то разъехаться было непросто. Василий Иосифович тогда выскакивал из кадиллака и ругался, руками махал, бибикал. Один раз, так, лоб в

люб, столкнулись уже на подъезде к дому генерала Пономарева, где обитал Фомин, в узеньком переулочке. И опять Василий Сталин выскочил и начал кричать на «противника». От этого у шофёра встречной машины, началась паника, и он попытался дать задний ход, но сразу застрял в сугробе на обочине дороги и, начал выворачивать, полностью перегорев дорогу. После этого поняв, что криком тут проблему не решить, Василий обернулся к Вовке и зашипел на него:

– Выходи! Толкать придётся. Что за люди, водить не умеют, а за руль садятся.

– Точно, права купили, – решил пошутить Челенков, но Сталин его не понял.

– Ты что – знаешь этого гада? – И такое ощущение, что сейчас за кобуру будет хвататься.

– Извините, Василий Иосифович, пошутил неудачно. Первый раз вижу этого человека. Вы поставьте себя на его место. Он увидел вас и разволновался, ошибку совершил, а вы на него ещё и кричать начали, он совсем запаниковал. Человек же не знает, что в душе вы белый и пушистый.

– Что?! Белый и пушистый. Ну, ты ляпнул, Фомин. Белый и пушистый! Запомню. Подари. Никому больше не говори. Ладно, чего сидишь, пойдём, доведём этого паникёра до усрачки, будет потом детям и внукам рассказывать, что его сам Василий Сталин из сугроба вытаскивал.

Вышли, но сам Василий не толкал, хватило Вовки и двух человек из ЗиСа-101, что его сопровождал. Власик даже сей-

час, когда Василий Иосифович сам по себе уже многие годы жил, продолжал охранять сына вождя. Следовала и сейчас за ними машина охраны.

Ребята были в длинных шинелях и сразу сами в снегу увязли. Шофёр эмки, глядя на бегущих на него военных, в фуражках с тульёй василькового цвета, с кантами и околышем крапового цвета, точно в штаны наделал.

Вытолкали, охранники, было, стали рычать на «врага народа», но Василий это пресёк.

– Оставьте мужика в покое, поехали.

Когда стали подъезжать к подворотне двора, где стоял генеральский дом, Сталин остановил машину и повернулся в Фомину.

– Завтра в восемь быть у меня. Награждать вас будем. Всё же ты лётчик пока. Подумай ещё хорошенько до утра. Ну, чего пятый раз по кругу. Вылазь, приехали.

Событие пятое

Прежде, чем затеешь шутку, надо знать предел терпения у того, над кем хочешь подшутить.

Бальтасар Грасиан-и-Моралес

Вовка поудобней повесил самодельный большой баул с хоккейной амуницией на плечо и взял в левую руку небольшой чемоданчик, купленный в Давосе. Он был, как и все современные чемоданы из фанеры, но обтянут не ужасным этим советским материалом коричневым, а чёрной кожей. Очень тонкой. Углы только были традиционно скреплены металлическими уголками, а так словно настоящий дипломат из будущего, разве сантиметров на пять шире. Красиво и удобно, особенно если по заграницам часто теперь придётся разъезжать, то в аккурат, для мыльно-рыльных принадлежностей. Ещё и кофе с сахаром влезет и пару рубашек.

Баул из брезента из-за двух клюшек получился длинный и неуравновешенный, и постоянно сползал с плеча, потому Фомин шёл почти боком к дому, поддерживая лямки подбодрком, а рукой обхватив его.

– Вова! – ему на шею бросилась враждебная сущность. Вес у сущности был приличный, а снег скользким и положение неустойчивое, потому хоккеист завалился на спину. Но не тут-то было. Баул был практически позади него большей своей частью, и падать пришлось на него. А он и не подумал

смягчать падения. Там клюшки. На них сто пятьдесят кило совместного веса и ухнули. Хрясь. Одно или оба пера отломились. Бумс. Это Вовка на снег затылком грохнулся. Шмяк. Это лоб враждебной сущности ему по губам заехал.

– А-а-а! – это Наташа Аполлонова заорала на весь двор. Сама наделанного испугалась, да и больно должно быть.

Не всё ещё, она (сущность эта враждебная) попыталась сгруппироваться и со всей дури заехала коленом в одно место хоккейное в настоящий момент ракушкой не прикрытое.

– А-а-а! – теперь оба голосили.

– Наташ, ты в следующий раз у отца пистолет возьми. Просто пристрели, чтобы не мучиться. – Опрокинул сущность на бок Фомин. И попытался выкарабкаться. Не получилось. Аполлонова осталась лежать на бауле, а баул за чем-то держал Вовку за плечо.

– Зачем пистолет? – Видимо не расслышала про «пристрелить», орала. Теперь попыталась подняться десятиклассница и начинающая актриса. На! Получи фашист гранату! Это она коленкой ещё добавила.

– А-а-а! – Да, встреча. Встреча колена с...

– Вставайте! – голос знакомый. Наташу подхватила рука, торчащая из чёрного рукава, и поставила на ноги.

Оба – на! Вовка перевернулся на живот и, освободившись от мешка с хоккейной амуницией, тоже поднялся.

– Вова! Это кто и что она тут делает? – Вместо спасибо.

– Да! Это тётя Света. Она с моей мамой вместе работает. А

ещё она швея. Мне пальто то порезанное сшила и рубашки. Здравствуйте, товарищи женщины и девушки. Какими судьбами? – Если честно, то не ту ни другую встретить у своего подъезда не рассчитывал.

– Вова, что она тут делает? – не рано ревновать зеленоглазая начала? Хотя, почувствовала не иначе соперницу.

– Давай с тебя начнём. Ты чего не в школе? – решил перехватить инициативу Фомин. Оправдывающаяся сторона всегда в проигрыше.

– Я первая спросила...

– Отвечать! – через силу нахмурился Челенков. Такую обиженную рожицу Наташик скорчила.

– Утром папе позвонили, сказали, что вы прилетите к двенадцати в Москву, я и решила встретить. А школы никакой сейчас нет. Сейчас зимние каникулы. Бе-бе-бе. – Показала розовый язычок. – А теперь говори, что она тут делает?

Не получилось наехать. Всё же оправдываться придётся.

– Тётя Света? А вас какими судьбами занесло? – Тётя на «тётю» не сильно похожа. Лет на двадцать пять смотрится. Где-то столько и есть. Румяная, красивая, в дорого выглядящем пальто чёрном, с воротником из каракуля. В меховой из того же каракуля шляпке. Прямо манекенщица. Выходит, не все сапожники без сапог. Себе вполне достойные вещи тётя Света сшила.

– Племяш! Я с восьми утра на улице, стою у подъезда, зови в гости, замёрзла. Ничего не скажу пока три стакана чая

не выпью. – Развернулась и пошла к крыльцу. Там на лавочке два чемодана и сумка стояли.

Два – это много. С двумя в гости на пару дней, чтобы в зоопарк сходить, не ездят. Не к добру это. Ох, не к добру.

– Вова? – встала на пути зеленоглазая, руки в боки.

– А я чё? Я ни чё. Слышала, попьёт чаю и расскажет. – Вовка сунул дознавателю кожаный чемоданчик и взвалил баул на плечо.

Степанида Гавриловна, предупреждённая Наташей, испекла пирог с капустой и яйцом. Блин блинский, как хорошо дома! Тепло, сытно, ещё бы кровать на десять сантиметров подлиннее и вообще – рай.

Сидели пили чай из Севрского фарфора трофейного с пейзажами смачными нарисованными, закусывали под умильными взглядами тёти Стеши пирогом и тут другая «тётя», которая Света и говорит:

– Всё, Вовочка, с концами к тебе переезжаю, хватит жить порознь. С вещами приехала. А ребёночек пока у мамы твоей поживёт, чего его среди зимы тащить, ещё простынет. Потом весной перевезём.

Бамс. Это у Вовки пирог в чай упал, расплескав его по всем присутствующим.

Блямс. Это у Наташи чашка страшно дорогая выпала из рук и на стол спланировала. Хотя. Чего ей планировать. Хряпнулась она. Надо отдать должное французам, качественно сделали, не разбилась. Только тоже окатила всех

присутствующих кипятком.

– А-аа-аа! – Это все трое заорали ошпаренные.

Хрясь. Это Вовке от Аполлоновой в рожу прилетело. Бамс. Это он руку в последнюю долю секунды перехватил и, встав, стул опрокинул.

– Хи-хи-хи. Ох, ха-ха-ха. Видели бы вы свои лица, голубки. Да, шучу я! Уж больно, Вова, невеста твоя на меня зло смотрит, кошкой прямо, готова глаза выцарапать.

Событие шестое

Гарантия мира: закопать топор войны вместе с врагом.

Станислав Ежи Лец

Мир, основанный на унижении побеждённого, это не мир, а лишь краткое перемирие между двумя войнами.

Валентин Пикуль

Хотелось посмотреть, как эти две дивчины будут таскать друг друга за волосы и возиться в грязи. Не получится. Грязи нет. Зато на столе стоит страшно дорогой и чужой чайный сервиз, который легко могут эти две кошки раскокать, а ещё там стоит чайник с кипятком и заварочный чайничек тоже севрский и тоже с кипятком. Но всё же главное, что нет грязи. Чистюля Степанида Гавриловна – грязи на кухне не допустит.

– Ну-ка, сели обе! Тётя Света! Наташа! – пришлось прикрикнуть.

Сели и надулись. Даже щёки раздули.

– Наташ. Ну, ты успокойся, сейчас тётя Света всё нам объяснит. Без шуток неуместных.

– А чего она!

– Всё! Наташ, ты, когда злишься у тебя такие глаза краси-

вые. Как у нашего Барсика.

– Гад! – ну хоть улыбнулась.

– Давай, тётя Света, рассказывай, – Вовка осмотрел бардак на столе. Поднял чашки опрокинутые и передал их стоящей на пороге кухни с каменным лицом Степаниде Гавриловне. Может, не услышала и не поняла, что тут произошло, всё же слух у неё после пожара на голове сильно сел. А может, привыкла не лезть в дела, её не касающиеся.

Стеша налила в сполоснутые чашки снова чаю всем и поменяла пироги, облитые, в блюдах. Ещё бы не мокрое пятно на скатерти льняной с вышивкой и вообще – мирная домашняя посиделка.

– Я, правда, решила в Москву перебраться, – отхлебнув чаю, смущённо улыбнулась тётя Света. – Не старая ведь, мужа хочу найти и работа швеёй тут выгоднее, сам говорил, что хорошая швея в Москве на вес золота.

– А Вова тут причём? – не выдержала зеленоглазка.

– Я же не знаю тут никого и ничего. Взяла твой адрес у Павла Александровича, собрала вещички и поехала. Как в прорубь. Ты же говорил, что живёшь в двухкомнатной квартире,пустишь на пару дней переночевать. А потом я сниму комнату или угол. – Не дура же? Просто – наивная?

– Стоп. Это Москва. Здесь так нельзя. Здесь прописаться не просто. Нужно работу найти, и чтобы они там общежитие дали. Наверное. Я не специалист. Сам без прописки несколько дней ходил. Боялся, что милиция проверит паспорт и аре-

стует. А ты что и вещи все привезла? А машинку и оверлок?

– Всё! Машинка и оверлок, и чемодан ещё с пуговицами и тканями в камере хранения на Казанском вокзале.

– Как же ты всё это дотащила?

– Помогли люди добрые. Так что мне делать теперь?

– Весело. Может быть, нужно сначала позвонить было? Твою... Там тарам. Да!?

Вовка запихал в рот приличный кусок пирога и жевал теперь, раздумывая. Есть же люди бесшабашные, взяла и приехала. На деревню к бабушке. Замуж выходить!

– Чего молчишь? – ткнула его локтём Аполлонова.

– Не понял?

– Помогать нужно тётке Свете! – Наташа в воздухе переобулась.

– Я – семнадцатилетний пацан, живущий в чужой квартире на птичьих правах? Ты, же только что готова была тётке Свете в волосы вцепиться?

– Людям надо помогать, Вова. – И эдак, свысока, своими зелёными посмотрела.

Фомин почесал репу всю заштопанную и хотел уже сказать, что подумает, но тут в коридоре телефон затрезвонил. Пришлось вставать и идти. Не лишку народу этот номер телефона знает. Буквально человек пять. И всё люди не простые. Попробуй не подойди.

– Володя, вернулись? Наташа у тебя? Как здоровье? Когда придёте? – сыпанул горстью вопросов Аркадий Николаевич.

– Скоро...

– Не скоро, а мигом. Тоня пирог мясной готовит, через десять минут готов будет. Я с работы ушёл пораньше, чтобы рассказ о ваших похождениях из первых уст послушать. И Ленка скандал закатывает, Наташку ругает, что она лучшие подарки из Франции себе заберёт. Давайте, одевайтесь и мигом домой. – Трубка крякнула и противно забибикала короткими гудками.

– Так, девочки-припевочки, расходимся. Наташ, Аркадий Николаевич звонил, срочно нас с тобой пред свои ясные очи требует. Мама Тоня тоже пирог сварганила. Так, что до свиданькайся, целуйся, обнимайся и пошли. По-настоящему целуйся и обнимайся. Тётя Света лучшая швея в Москве и остальном Советском Союзе. Она тебе несколько платьев модных красивых сошьёт и трусы кружевные, как в Европах. Зачем драться?! Ай!

Вовка осмотрел поле боя и подошёл поближе к Степаниде Гавриловне, чтобы не кричать.

– Тётя Стеша, эта женщина пару дней у нас поживёт, пока мы её не устроим. Она будет тихо сидеть, как мышь под веником.

Кивнула молча. Хотела было уйти, но потом обернулась:

– С дороги же, мыться надо и обедать по-человечьи.

– Вот и займитесь.

Вовка ушёл в прихожую, взял там чемоданчик и занёс к себе за ширмочку. Там для всех четверых Аполлоновых по-

дарки были из городу Парижу. Маме Тоне и Наташке одинаковые пузырьки «шанели», Ленке бусики из красных кораллов, а генерал-лейтенанту зажигалка с видом Эйфелевой башни. Всё до копейки или вернее до последнего франка израсходовал. Мало совсем им выдали валюты, даже пришлось у Третьякова чуть занять. Ему организаторы серии булитов отдельно дали приз в тысячу франков. Месье Шарли передавал пачечку ассигнаций супер вратарю, как будто, орден «Почётного Легиона» вручал. А на самом деле? Если на наши деньги перевести? Пятьдесят рублей всего. Но именно столько и не хватало Фомину. Не дешёвое удовольствие духи. Зато теперь можно смело идти в гости.

Глава 3

Событие седьмое

Я не жадный, я домовитый!
Приключения домовёнка Кузи

Если через дворы идти, то от дома генерала Пономарёва до двора, где спрятался от глаз прохожих дом милицейского начальства, минут десять пешком. И при этом вышли, ещё вполне светло было, а к дому подходили уже в настоящих сумерках. А пошли бы нормальной дорогой по улицам, точно быстрее бы пришли. В первой же подворотне Фомин остановил девушку, развернул к себе и чмокнул в нос.

– Наташ, это что такое было сегодня? Ревность? Так я только тебя люблю.

Начинающая актриса губки надула, но Вовка их раздул, поцеловав.

– А она?! – шербуршнулась Аполлонова.

– А она подруга моей мамы и даже кажется родственница ей, только дальняя. – Про родственницу приврал, конечно, но сейчас в этом времени слово «родственница» – это как табу. Про всякие инцесты народ даже думать не отваживался.

– Всё равно, ты её быстрее выводи. Найди ей работу и

квартиру, – снова губки алые надула.

– О-хо-хо, естественно я попытаюсь, с работой даже не сложно должно быть. Мне пальто сшил осенью старший закройщик ателье «Радуга» Розенфельд, можно завтра к нему сходить. Должен помочь. Ну, я так думаю. А вот с жильём... Проблема. Ладно, бог с ней, иди сюда, – так минут десять и целовались в подворотне, пока их не спугнула стайка мальчишек залетевшая в неё. Все были с самодельными, сделанными из веток клюшками, они катили по снегу мячик от большого тенниса и кричали, матерясь, как сапожники. Наткнулись на Вовку с Наташей, обтекли их по бокам и, забыв о хоккее, принялись скандировать хором: «Жених и невеста! Тили-тили тесто. Поехали купаться – стали целоваться! Жених и невеста! Тили-тили тесто. Вдруг невеста под кровать, А жених её искать! Жених и невеста! Тили-тили тесто. Тесто засохло, а невеста сдохла»!

– Идите отсюда, – топнула ногой зеленоглазка, но добилась обратного. Весело заржав, мальчишки принялись кричать ещё громче.

Пришлось сквозь их разбегающиеся при приближении ряды пробиваться к выходу из подворотни и уносить ноги. Почти ушли, но тут один нахалёнок, обогнав их, дёрнул Фомина за рукав:

– Дядь, дай рубль!

– Да, уйдите вы! – опять попыталась отделаться от пацанов Аполлонова. Напрасно, только ухудшила ситуацию.

– Жадина-говядина! Сосисками набита, на меня сердита! – и все пацаны подхватили.

– Жадина-говядина, злая шоколадина!

– Жадина-говядина! Солёный огурец, кто его не кушает, тот молодец!

И тут произошло чудо.

– Фомин пошли отсюда! – Наташа схватила Вовку за рукав.

– Фомин! Парни – это Владимир Фомин! Парни – это Рыцарь!

– Сам ты – рыцарь. Он – Артист!

Мальчишки окружили их плотным кольцом и стали, как дорожку игрушку красными от мороза пальчиками трогать пальто на Вовке.

– Дайте пройти, – Дёрнула Вовку снова за руку Аполлонова.

Вжик, и народ почтительно прянул в стороны.

– А вы чехов побили? А вы...

Пришлось ускориться. Мальчишки проводили их до самого подъезда, и только стоящий у подъезда одноногий вахтёр в милицмейской шинели заставил их ретироваться.

– А почему ты Артист? – перед квартирой опять дёрнула за рукав Фомина Наташа.

– У всех хоккеистов и футболистов прозвища. Юрий Жибуртович – «Копуша», Борис Бочарников – «Джигит», Трофимов – «Василёк», Юрий Тарасов – «Багратион», да у всех

прозвища. Я анекдоты рассказывал, когда с командой знакомился. Мне нравится. Не «Копуша».

– Артист, – попробовала на вкус начинающая актриса, – Нет, Я тебя буду по-прежнему звать Вова. Звони, Артист.

Торжественная встреча именно так и выглядела. Первой стояла по стойке смирно Ленка, потом по росту мама Тоня и последним, в генеральских лампасных штанах и майке алкоголичке, Аркадий Николаевич.

Вовку затискали мелкая и мама Тоня, а потом крепко, как равному пожал руку Аполлонов.

– Раздевайтесь, руки мыть и за стол! – скомандовала генеральша, но Ленка не выдержала:

– А подарки!?

– После...

– Подарки! – чуть не плачет.

– Да, не проблема. – Вовка пристроил чемоданчик на тумбочку и, щёлкнув замочками, открыл.

– Я первая! – сунулась ему под руку егоза.

– Держи, – Фомин вытащил коробочку, бархатом обшитую, словно там не коралловые бусики, а кольцо и алмазами.

Бамс. Это дверь в девичью комнату за бесёнком захлопнулась. Опасалась видимо, что драгоценность изымут.

Следом последовали два пузырька с духами. А ведь вкусно пахнут. Обе сразу попробовали, вылив приличную часть на себя.

Председатель Спорткомитета улыбнулся, получив зажи-

галку серебряную с Эйфелевой башней, а потом отвесил Вошке приличный такой подзатыльник. Не больно в целом, но обидно.

– Пап, ты чего?! – бросилась на защиту кавалера Наташа.

– Я же его за умного держал! А он вон чего отчебучил. Вот, представь, Володя, идёт у нас совещание, и там Берия или Сам даже, курят все, и я тут решаю закурить и достаю зажигалку с этой хреновиной. Но это ладно, а вот если кто в гости придёт и увидит у меня эту зажигалку, а потом донос настроит. Понимаешь, что может случиться?

– А вы им, что это символ, что русская армия уже брала Париж, а если они не одумаются, то ещё раз его захватим, – почесал всю защиту голову Фомин.

– Потом, на допросе в подвале? Эх! Не мог со звездой какой зажигалку выбрать?!

– Не подумал.

На самом деле не подумал. Как-то стороной обтекали его реалии современные. 1949 год. Что там? Сейчас начнётся «дело врачей». Или уже идёт? И начнутся массовые гонения на евреев. «Дело врачей» или его продолжение – «Ленинградское дело»? Очень мало Челенков знал об этих событиях. Поводом станет неожиданная смерть Жданова в результате врачебной ошибки. Руководитель Ленинградской партийной организации и кроме того свояк Сталина (его сын был женат на дочери Сталина Светлане), умер в конце прошлого года, ему был неправильно поставлен диагноз и не

распознан инфаркт. После его смерти все врачи СССР, лечащие высших руководителей, были объявлены потенциальными «убийцами в белых халатах», «английскими шпионами».

Со дня на день начнётся истерия в газетах. Там напишут о том, что врачи «подсыпают толчёное стекло» в лечебные порошки. Люди перестанут ходить в аптеки и поликлиники.

Уже идёт в газетах кампания по борьбе с космополитизмом, «низкопоклонством перед западом». В 1947 году были запрещены браки между советскими и иностранными гражданами. Из-за чего, кстати, Жириновский лишится отца.

Нда, а он тут со своей зажигалкой. Хорошо хоть не видел никто.

Событие восьмое

*Всякая музыка идёт от сердца и должна вновь
дойти до сердца.*

Г. Гауптман

*Ноты – это лишь искусство записывать идеи,
главное – это иметь их.*

Стендаль

Чаепитие и пирогоедение затянулось чуть не до ночи. Фомина заставили подробно чуть не по минутам описать и матч с ЛТЦ Прагой и пробивание буллитов в Париже Вовке Третьякову.

– Из шестидесяти двух только один пропустил?! – под конец этого рассказа Аполлонов даже вскочил со стула и заходил по кухне, меряя все её четыре метра широкими шагами.

– Я ему сказал пропустить, а так бы он и его взял. Ни один француз не смог щелчком шайбу послать по воздуху, несколько человек только «бабочку» послало.

– Ты, зятёк, дурной что ли? Зачем специально пропускать? – Даже челюсть отпала у генерала.

– Пап? Чего ты всё на Вову кричишь? – грудью встала на его защиту Наташа. В прямом смысле выпятив её. А подросла. Хоть до размеров тёти Светы далеко ещё.

– Так он дурак если.

– Аркадий Николаевич. Нельзя загонять крысу в угол. Она тогда агрессивная становится. Прыгает и в горло вцепляется.

– Крыса?

– Это образ. Мы же хотим этот турнир в Париже сделать регулярным и этот аттракцион с буллитами тоже. Если не будет выигрыша, то на следующий год никто не захочет довольно большие деньги отдавать и покупать дорогие билеты. А так мы договорились, что Месье Шарль этот во все газеты даст интервью, где расскажет, что... как там его? не запомнил, Григор какой-то, или Грегор, забил гол непробиваемому русскому вратарю и получил целую гору франков. А перед турниром в следующем году напомним французам об этом. И опять будет полный стадион и ещё больше желающих. И СССР получит кучу денег. Даже больше чем в этот раз.

– Тонь! Напомни мне, что как летом гроза начнётся, так пойдём в поле. Выйдем и встанем, вдруг и на нас молния клонет. Я тоже хочу быть таким.

– Каким? С деревом на спине? – прыснула мама Тоня.

– Умным. И всё наперёд знать. Так вы шайбу от них поэтому пропустили?

– Конечно, они на коньках стоять толком не умеют, какие из них хоккеисты.

– Сталину если рассказать – понравится. Он вчера Василия про тебя спрашивал, вызвал меня, Романова и Василий

там был. Обсуждали ехать ли нам на чемпионат мира. Всё сомневается Сам. Победа нужна. Да, молчи ты! В конце и спрашивает Василия, что там Артист этот не написал новых песен весёлых. Ты, Володя с огнём не играй, можешь если, то напиши. Да, даже если не можешь. Всё равно напиши. Что тебя надо для этого? Композитора или поэта в помощь. Найдём и, как ты говоришь, научим Родину любить.

– Я понял, Аркадий Николаевич. И Василий Иосифович сегодня про песню напомнил, но он про лётчиков. – Почесал репу Фомин. Весёлую?

– Ну, и не ссорься с ним! Напиши про лётчиков. Про лётчиков и про... ну и весёлую. А вместе не получится?

– Я постараюсь, Аркадий Николаевич.

Домой Вовка шёл на автопилоте. Голова была песнями занята. И ведь не хотел воровать, как-то всё само получается. И самое плохое, что этот водоворот его затягивает. Сейчас не просто не хотел воровать чужие песни, а прямо боялся даже и не потому, что у каждого композитора и поэта есть свой стиль и образованные, настоящие композиторы поймут, что тут что-то нечисто, ни одна песня на другую не похожа. Не в этом дело. Дело в том, что выдаст он допустим через неделю две песни старшему и младшему товарищам Сталиным, а они через месяц ещё потребуют. А через месяц ещё. А он просто не знает столько песен и эти две уже не просто будет вспомнить. С весёлой чуть проще. Есть бессмертный хит из Кавказской пленницы про султана и трёх жён. Наверное,

любой советский человек слова вспомнит и даже споёт, по крайней мере первый куплет и припев.

«Не очень плохо иметь три жены,
Но очень плохо с другой стороны».

Более того Членков не раз и даже не два пел её когда с друзьями собирались, а один раз к ним затесался старейший на то время спартаковец Георгий Ярцев. Он выслушал песню, потом забрал у Фёдора гитару и говорит:

– Я тут куплет про себя придумал, только вы не перебивайте, а то собьюсь.

И выдал: «Но в квартире моей маленький метраж:

Метра два в ширину, вдоль – четыре аж!

Если в два этажа разместить кровать,

Всё равно Зульфие негде будет спать».

Членков с той поры всегда исполнял эту песню с этой добавочкой. Этот куплет не портил её, а наоборот, делал окончание гораздо логичней.

С лётчицкой песней в принципе тоже нет проблем с точки зрения самой песни. Есть одна из самых исполняемых песен Пахмутовой. «Если бы ты знала, как тоскуют руки по штурвалу». Там главное припев. Первый и третий куплет лёгкие, а вот второй Членков не помнит, что – то про взлетаю ракетой и камнем вниз. Ну, ничего страшного посидит поперебирает аккорды, может вспомнится, а нет так и на самом деле можно настоящего поэта найти. До её написания ещё лет пятнадцать, не должен уже Добронравов написать сти-

хи. Почему бы у него и не попросить помощи и потом написать на пластинке, что стихи Добронравова. Проблема опять нравственная. Чья песня про султана Челенков не знал, и тут точно известны авторы, и опять придётся Пахмутову обворовывать.

– Эй, пижон, а ну стой, – Вовка так задумался, что не заметил, как на его дороге выросла парочка, – Тебе говорят, фраер!

– Вечер перестаёт быть томным...

Событие девятое

*Фонарь под глазом бросает тень на его
обладателя.*

Андрей Соколов

*Когда бьют по морде, главное – сохранить лицо.
Сергей Федин*

Дверь открылась как-то медленно, словно с той стороны никак определиться не могли, а стоит ли вообще открывать. Типа, ходят тут всякие. Наконец, щель стала настолько широкой, что через неё смог высветиться голубой глаз.

– Вова, что с тобой! Ты весь в крови! – дверь дёрнули на себя, и опёршийся на неё Фомин почти кубарем влетел в квартиру. Хорошо, что обладательница голубого глаза успела его поймать.

– Вова ты весь в крови! Что случилось? – Света прислонила его к стене и стала досконально изучать.

– Ерунда. Бандитская пуля, – попытался пошутить Фомин. Больно даже шутить. Губа треснула.

– В тебя стреляли? Нужно вызвать милицию! – А вот оно что, понятно, почему дверь медленно открывали, тётя Света в ночной рубашке, короткой. Обдергайке такой, значительно выше колена.

– Я сам милиция, – тоже в каком-то фильме было. Ну, он

же учащийся школы милиции. Или нет? Тут с этим вояжем по заграницам не очень понятно, у него же есть удостоверение офицера лётчика и даже парадная форма с погонами младшего лейтенанта, с одной одинокой звездой. «Мальчик молодой младший лейтенант, только две звезды упало на его погон». А это мысль. Если Наташа споёт эту песню, то половина страны в неё влюбится.

– Вова! Что случилось? – правда же переживает, вон слёзы даже.

– А пусть не пристают. Всё! Всё. Напали два придурка, раздеть хотели и обчистить. Пришлось вступить за пальто. Второго-то нет.

– Ты ранен? – совсем заплакала.

– Не знаю. Нет, наверное. Нос разбит и губа. Умыться надо. – Зачем-то тётя Света поднырнула под плечо и на себе хотела в ванную тащить. А и ладно, так веселее.

Умывание показало, что порвана губа или вернее треснула, не страшно, до свадьбы заживёт, ещё разбит нос, но набок не завален и внутрь не вдавлен как у сопровождавшего их сотрудника МГБ. Ещё под глазом намечался фингал. Под правым?! Опачки! Выходит этот, грабитель, который повыше левша. Проще найти будет.

Вообще драка вышла сумбурной. Первый удар Вовке не удался. Левша этот явно занимался боксом. Он поднырнул Фомину под руку и врезал по носу. Зато подставился коротышка в тулупе. Тулуп явно движения сковывал. Коротыш-

ка шёл на Вовку, поигрывая пером в руке. Пинаться было поздно, слишком близко и Вовка встретил его джебом справа. Больше в драке этот товарищ участия не принимал. И, слава богу. Приёмов против ножа ни Челенков, ни Фомин не знали. Да и есть ли они. Сказки поди. Тощий и высокий боксёр, тоже вёрткий оказался, Фомин не успел разорвать дистанцию и хоть и по касательной удар второй словил, но губу вон порвал. Сволочь. Вовка от удара сел на задницу, и левша попытался пнуть ему в лицо. На счастье промахнулся. Фомин ждать второго пинка не стал и, вскочив, бросился на грабителя головой вперёд, метя в живот. Чтобы уронить. В партере проще, там ноги не задеystвует. Получилось. Они упали и стали бить друг друга по морде лица. В какой-то момент Вовка видимо удачно попал и товарищ поплыл. Ждать следующих подарков Фомин не стал, подобрал чемоданчик и, чуть прихрамывая, поспешил к подъезду. Оставалось-то, всего метров тридцать пройти. Сзади через какое-то время затопали, но Вовка уже залетел в подъезд и похромал на второй этаж. Скрипучая дверь внизу не закрипела, выходит, боксёр этот не рискнул заходить в подъезд. Ну, а потом тётя Света его в свои объятия приняла.

Света умывая его, вся облилась водой. Ночнушка из тонкого хлопка почти прозрачной стала и прилипла ко всяким выпуклостям. Играющая роль медсестры женщина этого не замечала, она склонилась над сидящим на краю ванной Вовкой и обследовала пальчиками его лицо.

– Пойду, йод принесу, видела в комнате, – тётя Света развернулась и на пороге ванной комнаты уронила полотенце, нагнулась поднять.

– Опа опа, у кого тут круглая попа? – пошутить решил. Зря.

Пока ждёте проды от меня обратите внимание на цикл Дмитрия Дашко "Ротмистр Гордеев". Первая книга <https://author.today/work/234828>

Глава 4

Событие десятое

*Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.
Николай Васильевич Гоголь, из книги «Ревизор»*

– Артист!

– Фомин!

– Володя!

– Вовка!

– Твою мать!

– Фомин, это что такое? – Василий Сталин стоял у двери в кабинет, разговаривал с секретарём или ординарцем, или как там эта должность называется, с капитаном, стоящим на вытяжку перед ним, и тут Вовка зашёл в приёмную одним из последних, вся команда уже толпилась в большой длинной комнате. Стулья вдоль стен стояли, но кроме Чернышева никто не сидел, стояли, разбившись строго по пятёркам. Динамо, ЦДКА, ВВС МВО.

Народ, увидев сине-зелёного Фомина, разве что свистеть не стал, памятуя, где находятся. Перед Василием Иосифовичем все расступились и примолкли, только головами качали,

то ли укоризненно, то ли сочувственно.

Васька подошёл к Фомину и обошёл даже его почти по кругу, остановился сбоку и, чуть голову наклоня, стал огромный фингал под глазом у того рассматривать. Не все ещё украшения морды лица. Утром, когда Вовка глянул на себя в зеркало в ванной комнате, то сам захотел посвистеть. Не получилось – губа треснула верхняя и коркой крови запеклась. Нос распух, ну и под глазом красивый бланш. Самое то – на награждение идти.

Заспанная тётя Света за ним в ванну вломилась, не, не за продолжением ночных упражнений. Помочь умыться и припудрить носик.

– Свет, нужно усилить эффект, а не пудрить. – Оглядев себя в зеркало, сделал неожиданный вывод Фомин.

– Ты, дурак! К Сталину...

– Не, я знаю, чем закончится. Тащи йод и зелёнку, будет боевую раскраску рисовать.

И вот сейчас Вовка стоял, можно сказать, по стойке смирно и демонстрировал побитость полную.

– Товарищ генерал-лейтенант, вчера, возвращаясь домой от Аркадия Николаевича Аполлонова, был... Меня попытались убить и ограбить два преступника. Один был с ножом, второй с кастетом... Наверное. Уж больно тяжёлые удары. Мне с трудом удалось отбиться. Задержать преступников не смог, они сбежали. – Ну, кто видел, что сбежал как раз он.

– А что милиция? – Это из-за спины Сталина показался

Чернышёв.

– Да, Фомин, ты милицию вызвал? – начал крутить головой Сталин, очевидно милиционеров у себя в приёмной разыскивая.

– Никак нет, товарищ генерал, телефон испортился, – Вовка перед уходом утром аккуратно провод отсоединил от розетки, ну, вроде сам отпал.

– А соседи. У вас соседи не простые, у всех телефон есть? – умный.

– Поздно было, не хотел людей будить и пугать своей физиономией.

– Дурак. Ладно! Не будет такого! Ты ведь сейчас младший лейтенант и лётчик. Не будет такого, чтобы в Москве, в центре города, бандиты на офицеров лётчиков нападали. – Сталин решительно вернулся к столу с секретарём ... Или ординарцем.

– Алексей. Позвони в МУР. Чтобы через полчаса лучшие у меня были в кабинете. Кто у нас сейчас МУРом руководит?

– Комиссар милиции III ранга Урусов Александр Михайлович – Начальник Московского уголовного розыска. – Вскочил капитан – Алексей.

– Соедини меня с ним.

Сталин словно забыл о присутствующих тут хоккеистах. Холерик, чего с него взять?

Но начальника угрозыска в кабинете не оказалось, и Василий Иосифович вспомнил о мероприятии, для которого и

собрал народ.

– Потом Фомин тобой займусь. Проходите мужики. Сейчас награждать вас будем. Молодцы все. Орденов давать не могу, потому их не будет. А награды будут.

Хоккеисты гуськом прошли в кабинет Сталина младшего. Он был не меньше приёмной. Вполне все двадцать человек влезли. На длинном столе в центре кабинета лежали грамоты, с изображением двух истребителей на фоне синего неба. А поверх каждой грамоты лежала приличная стопочка кремово-розовых банкнот с Лениным. Сторублёвки.

Василий Сталин сам брал грамоты со стола, читал фамилию и, пожимая руку, передавал грамоту, а потом и деньги.

– Ещё Спорткомитет вас награждать будет, а это от меня и всех лётчиков. По три тысячи рублей премии и грамоту МВО ВВС. – Последним оказался Вовка. Василий Иосифович потянул ему руку для рукопожатия и отдёрнул. Костяшки сбиты, в коростах, и залиты зелёнкой и йодом. Красота.

– Ссуки! Георгию Константиновичу не только Одессу, но и Москву нужно от всей этой нечисти очистить. Поговорю с отцом. – Он передал деньги и грамоту Фомину без рукопожатия. Потом всё же передумал и, притянув к себе, обнял. Так себе получилось сантиметров на двадцать ниже. Скорее к груди припал.

После этого Василий не удержался и, несмотря на присутствие Чернышева, которому перепало пять тысяч рублей, двинул речь, про то, что такую команду великую нужно со-

хранить и что вы, товарищи, вместе, как в той притче, целый веник, а по одному просто веточки.

– Подумайте о переходе в ВВС, потом ещё раз с каждым переговорю, – пообещал младший Сталин и отпустил хоккеистов.

Фомин тоже было потянулся к выходу, но тут sacramентальная фраза прозвучала.

– Чернышёв, Фомин, а вы оставайтесь.

Вовка думал, что опять уговаривать будет или про песни спрашивать, но нет. Разговор Василий Иосифович начал совсем о другом.

– Что это за чемпионат мира среди студентов? Мне Фоминых рассказал вчера. Вопросы появились. Аркадий Иванович, тебя давай сперва послушаем.

Чернышев в восторге от этого турнира не был. Не боялся проигрыша. Просто, главное для него – это подтвердить титул Чемпиона СССР, а этот непонятный турнир в Чехословакии, где их чуть голодом не заморили и не заморозили, никакой радости у тренера «Динамо» не вызывал.

– Студенты должны быть все. В этой команде, – он кивнул головой на дверь, – всего девять человек, из них двое с нагрузкой. Третьяков в школе учится. А Зденек Зигмунд преподаватель, но говорит, что в аспирантуру хочет поступать.

– А соперники? – пренебрежительно махнул рукой Сталин. А чего, долго что ли в СССР выдать справку, что ты учишься в институте физкультуры, или на подготовительных

курсах академии имени Жуковского.

– Местные студенты из Праги, там есть, наверное, и ребята из ЛТЦ, не уверен, что они будут играть, там от основного состава крохи остались. А в это же почти время с 12 по 20 февраля в Стокгольме будет проходить настоящий чемпионат мира по хоккею на льду. Так они канадский хоккей называют.

– И всё что ли? – поднял брови Василий.

– Фомин предложил создать сборную Прибалтики...

– Да, Володя, почему Прибалтики, а не Латвии или Литвы? Эстонии?

– Вы сами, товарищ генерал и ответили. Кого выбрать? Остальные обидятся. А так по звену от каждой республики. Где-то слышал, что они уже в таком составе играли. Не скажу когда, в Ленинке статья попалась про хоккей до войны в Прибалтийских государствах. Там было про сборную Прибалтики, как-то не так называлась, но смысл этот.

– А что? Согласен. Здорово получится. И отец такой подход одобрит. И всё, больше не будет никого что ли? – развернулся назад Сталин к Чернышёву.

– Чехи пригласили сборную студентов Варшавы и сборную Оскфорда. Там канадские студенты.

– Канадские? – Василий свёл брови.

– Мальчики для битья. Мы с ними в Давосе встречались... Не так. Они там были и проиграли 1: 9 Давосу, у которого мы потом легко выиграли. Очень слабая команда.

– Мальчики для битья? Где ты только словечки все эти Фомин берёшь? – Василий Иосифович прошёлся мимо стоящих почти на вытяжку Чернышёва и Фомина и сел за стол.

– Так, в общем, едет та же команда. Со справками студенческими я решу. Три недели есть, какие угодно справки сделаем. Или настоящие студенческие билеты дадим. Нужно ехать и выигрывать. Лучше бы настоящий Чемпионат Мира, но раз нельзя, значит, будем на этом играть. Про прибалтов я с Аполлоновым переговорю. Тоже послать надо.

– А чемпионат? И так несколько игр пропустили, – напомнил Аркадий Иванович.

– Ерунда, что там, шесть дней. Потом нужно просто чтобы эти три команды на «Динамо» все матчи оставшиеся провели. Ездить не надо и можно через день игры проводить. Догоните. Ерунда. Тем более что всё равно чемпионом станет МВО ВВС. Ха-ха-ха! – Васька весело и заразительно засмеялся. Пацан пацаном.

– Посмотрим ещё, – буркнул динамовский тренер.

Василий Иосифович не услышал, продолжая заливаться.

– Всё. Аркадий Иванович, иди, вон уже муровцы заглядывают в кабинет. Сейчас допрашивать будем Фомина, как он весь такой великий спортсмен и не справился с двумя занюханнми бандитами. А я ведь вчера приказ написал о производстве тебя Фомин досрочно в лейтенанты. Не, ты нос не задирай. Не ты один. Третьякова тоже в лейтенанты и Бочарникова в капитаны с Бобром. Заслужили.



Событие одиннадцатое

Зритель любит детективные фильмы. Приятно смотреть картину, заранее зная, чем она кончится. И, вообще, лестно чувствовать себя умнее авторов.
цитата из фильма «Берегись автомобиля»

Вовка уже пожалел о своём решении использовать свою физиономию для наведения порядка с преступностью в столице. Жеглов и Шарапов насели на него не по-детски. Фамилии у оперов были другие, но отдалённое сходство с героями фильма были. Шестаков, как и Шарапов был в гимнастёрке армейской без погон и волосы были длинноваты для милиционера. Тоже назад их закидывал. Постарше только Конкина был, лет под сорок мужику и не такой subtilный. А вот майор Кузьмин на Высоцкого или Жеглова походил больше, не только одеждой, а он был в гражданке, в чёрном пиджаке и серых брюках от другого костюма, но и вёл себя, так же как и Жеглов, нагло напористо. Играли, в общем, в доброго и злого следователя. А ещё, как и у героя фильма, на лацкане пиджака у Кузьмина был орден Красной звезды.

Эти два гада, в хорошем смысле этого слова, въедливо по секундам стали восстанавливать события и старались при этом запутать Фомина. Если бы не сидящий и наблюдающий с любопытством за этим действием Сталин младший, они бы покрикивать начали. Обломались, Василий Иосифович си-

дел злой, и сам на них шипел, на крик, правда, не переходя.

– Лётчиков, офицеров, лучшего хоккеиста страны на введенной вам народом территории бандюганы убить хотели. Найти и посадить, а лучше расстрелять.

– Суд...

– Сосуд! При попытке сопротивления кончите мразь эту.

– Синяк не под тем глазом, – постарался перевести разговор в другое русло майор.

– Да, он левша. Я же, можно сказать, боксировал с ним. И он точно занимался боксом и, может, даже разряд спортивный имеет. – Поделился догадкой Вовка.

– Про кастет подробнее, – влез Шарапов.

– Я не видел, но удары были очень сильные, а он намного легче меня. Или уж совсем большой спортсмен, либо кастет или свинчатка в кулаке. Он, кстати, в тонких кожаных перчатках был. Дорогие. Тёмно-коричневые, должно быть, не чёрные, и на них моя кровь должна остаться, если он их не выкинул. Но вещь дорогая, жалко. Он мне нос разбил, должны быть в крови. Да, и он был в чёрном пальто, и на нём тоже должны быть следы крови. Я на нём же потом сидел, а из носа кровь продолжала бежать.

– А второй? – поиграл карандашом в пальцах Шестаков. – Он что делал.

– Лежал. Я его вырубил первым ударом. Он маленький и лёгкий. В нокаут угодил.

– Как же они смогли убежать от тебя? – гад этот Кузьмин.

Самый правильный вопрос задал.

– Ну, мне длинный боксёр этот снова по носу попал, я и поднялся, искры из глаз летели. А пока очухался они и сбежали. Я чемоданчик поднял...

– Что за чемоданчик, зачем вы товарищ Фомин по ночам с чемоданчиком ходите? – насел на него майор, даже привстал.

Ну, блин!!! Тут вам не там, сейчас получит фашист гранату.

– Я, товарищ майор, ходил к генерал-полковнику Аполлонову, подарки ему и его жене с доче... как правильно по-русски с дочерьми, с дочерями. С дочурками, пусть будет, нёс. От них и возвращался домой.

Да, какой же русский не любит быстрой езды. Тьфу, какой же милиционер не знает бывшего заместителя министра МВД. Посерьёзнили товарищи. С одного боку Сталин, пусть и не Сам, но Сталин, так теперь ещё и Аполлонов.

А сейчас хук обоим одновременно.

– Там к нам на пирог и, рассказ про победу нашу в Давосе, и Круглов Сергей Никифорович – министр ваш заходил, сосед Аркадия Николаевича.

– Кхм.

– Блин.

– Найдёте? – плесканул керосинчику Вовка.

– Найдём!

Если Вовка надеялся, что после козырей выложенных останут от него сыщики муровские и побегут облавы устраи-

вать, то сильно ошибся. Ещё настойчивее стали расспрашивать. Про приметы по третьему кругу, про речь, ну, там акцент малоросский или оканье. Гуканье?

– Маленький меня назвал пижоном.

– Да, для бандитов не сильно типично.

Тут их прервали. Прервали так прервали. Влетел в кабинет тот самый капитан Алексей и за ним широким шагом вторгся, сбросив худыми плечами двух лётчиков, пытавшихся ему помешать, человек среднего роста в синей милицеской форме с серебряными погонами зигзагообразными и с золотыми вышитыми звёздами на них.

– Василий Иосифович, товарищ Сталин, мне передали... – Начальник Московского уголовного розыска Комиссар милиции III ранга Урусов Александр Михайлович увидел своих и побелел лицом совсем.

– Кого убили? Товарищ Сталин?

– Убили? – Сталин развёл руками.

– Майор Кузьмин – начальник убойного отдела.

– Вон, труп сидит. Зелёный и синий местами, но выжил. Твои подопечные не на того рыпнулись. Боксёр и, вообще, лётчик и офицер, куда им с таким тягаться. – Так как Жеглов с Шараповым вскочили при появлении генерала, ладно, комиссара, то и Вовка поднялся. А что, со своими почти метр девяносто и широченными плечами, раскаченными, вполне себе смотрелся на грозу «подопечных» майора Кузьмина.

– А ну, вышли в приёмную. – Ткнул Начальник Угрозыска

московского пальцем своим на дверь, а потом и Вовке, – и ты герой погуляй. Нам с товарищем Сталиным поговорить надо.

– Иди, Володя. Только не убегай потом. Нужно нам с тобой про песни поговорить. Есть новая информация.



Событие двенадцатое

Погоня! Какой детективный сюжет обходится без неё? Один – бежит, другой – догоняет! Таков непреложный закон жанра! Детектив без погони – это как жизнь без любви.
цитата из фильма «Берегись автомобиля»

Фёдор Челенков, сидя на стуле в приёмной вспоминал, как читал в газете или по телеку смотрел, точно уже не помнил, там ругали съёмочную группу фильма «Место встречи изменить нельзя». Мундир у Жеглова неправильный – нет петлиц. А ещё на груди у майора висит знак «Отличник милиции», который будет учреждён Приказом МВД СССР только в 1953 году. Ещё что там про погоны было, что кант и просвет не того цвета, вроде не красный, а бирюзовый должен быть.

Но больше всего в той статье, всё же это была статья, потешались над формой комиссара полиции на торжественном вечере посвящённом Дню милиции. Выступает именно комиссар милиции III ранга и у него золотые, погоны, а должны быть серебряными, и только звёзды золотые. А ещё заклёпочники эти рассмотрели у начальника угрозыска медаль «За взятие Берлина». Тяжело одновременно руководить МУРом в Москве и брать Берлин. И до кучи, у генерала по существу, солдатские медали на груди – «За отвагу» и «За

боевые заслуги».

Сто лет прошло с прочтения той статьи, а сейчас вот увидел этого комиссара вживую и вспомнилось. На Урусове сейчас были ордена, но медали «За взятие Берлина», которая была у Вовкиного отца, на груди Александра Михайловича не было.

Начальник Угрозыска вышел минут через десять. Красный и с крепко сжатыми губами. Махнул рукой своим, чтобы шли за ним, и остановился напротив Фомина.

– Нда. Красавец! Найдём! Обещаю. – И повернувшись на каблуках, вышел из приёмной, дверь хлопнув.

Вовка плюхнулся назад на стул. Заварил, блин, кашу. Минуту посидел, обдумывая, хорошо это или плохо познакомиться с Начальником МУРа. Потом на капитана Алексея посмотрел. Тот на Вовку и на дверь. За дверью тихо всё.

Фомин махнул головой, типа, узнай, может, уже моя очередь пришла звездюлей отгребать. Капитан Алексей вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и пошёл к двери огромной, в потолок. Дубовой должно быть, но оббита кожей, не видно.

Бамс. Это капитан этой дверью в лоб получил. Он застыл перед ней, не решаясь войти, а тут дубовая сама открылась и резко. Хорошо – оббита. Не насмерть, просто отскочил.

– Зайди, Володя, – нарисовался за дверью Василий Иосифович.

Василий зажёг сигарету и, дымя почти на Вовку, поинте-

ресовался:

– Аполлонов говорил, что у тебя теория есть, что после удара молнией к тебе несчастья липнут и обязательно по голове достаётся.

– Четвёртый раз за год.

– Дела. Вот, что Володя, я вчера у отца на «Ближней даче» был, обсуждали там... Не, этого тебе точно знать не надо. Так вот, потом ужин был, и отец поставил пластинку с твоими весёлыми песнями, а после ужина я ему и рассказал об этом вашем турне. И что ты там самые важные голы забил.

Челенков напрягся. Уж больно издалека Василий начал.

– Отец выслушал и говорит: «Хороший мальчик и песни хорошие пишет, ты ему скажи, Василий, что людям сейчас очень нужны весёлые песни, пусть напишет ещё». Ты, мне обещал. Написал?

Охо-хо. Чего и боялся.

– Весёлую написал.

– Пой!

– Кхм. Гитару бы надо. И губа разбита, тихо получится, громко не смогу.

– Гитару? Алексей! – как гаркнет Сталин, что даже огромный тонный стол под зелёным сукном подпрыгнул, не говоря уж о Фомине.

– Слу...

– Гитару найди. Быстро. Бегом! – тугудым, тугудым. Даже дверь капитан не закрыл. Василий Иосифович сам встал,

прикрыл. Сквозняк образовался. На улице с утра подмораживало.

– Василий Иосифович, а можно листок и карандаш, я только вчера написал, могу сбиться.

– Диктуй...

– Нет, товарищ генерал, не тот эффект будет.

– Эффект?! Ох, Фомин. Ну, ладно, держи, – Василий подвинул ему листок и вынул из письменного прибора настоящую шариковую ручку.

– Ни фиги себе! – не удержался Челенков.

Сталин странно эдак на него посмотрел. Вот прямо чувствовалось, что хочет спросить, неужели раньше видел? Не спросил, наоборот, объяснил появление артефакта.

– Шариковая ручка – производится по заказу Королевских военно-воздушных сил Великобритании, поскольку обычные перьевые авторучки протекают в самолётах от снижения атмосферного давления при наборе высоты. Нам немного добыли посольские. Пиши. Хорошо пишет.

Вовка как раз дописывал последний припев, когда без стука в кабинет влетел капитан Алексей с роскошной концертной гитарой. Красота.

– Давай, Фомин, удиви. – Протянул ему инструмент Сталин.

– Удивлю.

Если б я был султан, я б имел трёх жён

И тройной красотой был бы окружён
Но с другой стороны при таких делах
Столько бед и забот, ах, спаси Аллах!

В фильме «Кавказская пленница», во время исполнения этой песни Никулиным, интересно наблюдать на реакции Варлей. Глаза выпучивает, прыскает, замечательная мимика. Там, правда, ещё питается Наталья, но тут на столе фруктов с булочками не было, потому Василий просто глаза выпучивал и ржал, а когда прозвучала последняя фраза:

На вопрос на такой есть ответ простой -
Если б я был султан – был бы холостой!

Не плохо очень совсем без жены
Гораздо лучше с любой стороны.

Рот от удивления открыл и так и замер в этой позе. Пришлось Вовке припев повторить.

Не плохо очень совсем без жены
Гораздо лучше с любой стороны.

И побарабанить по гитаре, восточную музыку изображая.

Глава 5

Событие тринадцатое

*Какой же русский не любит быстрой езды –
бессмысленной и беспощадной!*

*Лучшие на сорок минут позже, чем на сорок лет
раньше*

От Ленинградского проспекта, где находился штаб ВВС МВО, до Ближней дачи кадиллак Василия Сталина добрался примерно за час. Василий Иосифович гнал, будто от того, как быстро он доставит Фомина к отцу, зависела судьба и его самого и всей страны.

Вовка сидел на заднем сидении, не полез вперёд на место смертника, вспомнил, что про Сталина младшего ходили слухи, что он безбашенный гонщик. Слухи подтвердились буквально с первых метров пути. Не давало оторваться от земли вишнёвому «Кадиллаку-67» только земное притяжение и опасения Фомина, что он собьёт сейчас вон ту телегу, а нет, вон, ту машину Скорой помощи, фу, вон ту молоковозку. Едрит-Мадрид. В миллиметрах мимо пронеслись. Просить Василия ехать помедленнее Вовка опасался, не мень-

ше, чем ехать с такой скоростью. Наперекор ещё быстрее поедет. А ведь Фомина уже два раза Сталин подвозил и тогда нормально ехал, почти нормально, чего сейчас за шлея под хвост попала?

После того, как Вовка закончил петь и барабанить по верхней деке гитары роскошной Василий ещё минуту сидел напротив с открытым ртом и блаженной такой улыбкой на лице. Улыбки – они обычно собирают мимические морщины всякие, а здесь, наоборот произошло, лицо у Василия Иосифовича разгладилось. Некрасивые его морщины на лбу и у глаз растворились в этой улыбке, и даже приличные мешки под глазами спрятались в ней. Юношеская такая мордашка была напротив. Сталин смотрел на Фомина и не видел его. Там был, в песне. Переживал нехитрые сценки в ней описанные. Минута волшебства прошла, проступили мешочки под глазами и улыбка из детской превратилась в обычную.

– Знаешь ты кто Фомин? – Сталин залез пятернёй в явно не генеральскую причёску, длинные волосы довольно густые были назад зачёсаны и волны эдакие образовывали.

– Я же...

– Дурак ты. Тьфу. Это про другое. Ты, Фомин – Артист! И рожа у тебя страшная и гитара расстроенная и сам ты поешь даже хуже Утёсова, а спел и словно побывал там в той квартире маленькой с тремя жёнами, так себе всё представил. Давай ещё раз.

– Кхм. Василий Иосифович, мне больно петь, губа порва-

на.

– Ссуки! Всех шлёпнуть надо! А ну, поехали к отцу! Я им тварям устрою! Всех на нары! Очистим Москву от нечисти! Поехали!!! – Сталин подхватился, сдёрнул Фомина со стула, вырвал у него гитару и одной рукой её удерживая, стал второй выпихивать Вовку из кабинета. В приёмной он осмотрел собравшихся там офицеров и махнул рукой.

– Не время, завтра приходите. Алексей, Власику позвони, скажи я на Ближнюю дачу еду с Фоминым. Всё, до свидания, товарищи.

Вытянувшийся по струнке народ лётный, в том числе и с генеральскими погонами, не загудел возмущённо, молча узнал об отложенном совещание и ещё вытянутее стал.

И теперь они мчались по Москве, в миллиметрах проносясь мимо других редких машин или телег, заставляя нервно всхрапывать испуганных лошадей. Ворота на дачу были закрыты, и никто их перед Василием бегом не раскрывал, кланяясь. Солдаты степенно осмотрели пассажира, покосились на гитару, потом опустили на колени и проверили днище американского пепелаца. Челенков даже, вспомнив фильмы из будущего, решил про зеркальце на палке подсказать Власику, но тут от домика на входе и подошёл офицер с таким устройством. Осмотрел днище изделия «General Motors».

– Проезжайте, Василий Иосифович. Товарищ Сталин предупреждён.

Вовка ожидал, что, как и в прошлый раз будет куча наро-

да, Берия, Светлана Аллилуева и ещё какая-то женщина, и все будут сидеть жиденький супчук, поданный на обед, чинно хлебать. Потом будут песню его слушать и обнимашки устраивать. Окарался. В зал куда его минуя очередных товарищей из охраны втолкнул Василий, никого не было.

В той самой столовой оказались, где в прошлый раз они с Наташей Аполлоновой концерт устраивали. Только света не было, а сквозь плотные зелёные шторы снаружи свет неяркого зимнего дня и не проходил почти. Василий Иосифович отпустил Вовкин рукав и хлопнул себя по лбу.

– Гитару в машине забыл. – Машину оставили метрах в двадцати пяти от дачи, там было место для стоянки, и там стояло два новеньких ЗиС – 110, скопированных с американского автомобиля высшего класса «Packard Super Eight», ну, почти скопированных.

Василий Сталин пихнул Вовку в кресло и исчез за зелёными шторами, перегораживающими вход в длинный коридор. Фомин вообще один остался. Сидеть в этом доме одному, в огромной столовой, было неудобно и неуютно, Челенков встал, и подошёл к большой карте СССР, висевшей на стене. Опа! Карта была старой. Года 1938 выпуска и кусочек Финляндии и приличный кусман западной границы был довольно умело, но всё же заметно обведён новой границей. Как-то читал Челенков в будущем книгу, что зря это сделали. В смысле объединили Западную Украину со старыми землями, оттуда вся эта бандеровщина и посла миазмы пускать по

старым Украинским землям. В той книге был предложен вариант создание отдельной Западноукраинской Республики.

Фомин поближе подошёл, чтобы оценить размеры этой возможной республики и даже пальцем её обвёл.

– Малчик? – Вовка вздрогнул Сталин, настоящий который, подкрался совершенно бесшумно. А нуда, он же ходил в сапогах с мягкой кожаной подошвой.

– Здравствуйте, товарищ Сталин! – гаркнул Фомин обернувшись. Губа начинающая подживать при этом треснула и капелька крови, выступив, сорвалась и покатилась по подбородку.

Событие четырнадцатое

Табак не дурак, он любит гуляк.

Табак – здоровью враг.

Табачное зелье – утеха в безделье.

– Кров у тебя, – Сталин выглядел старым и усталым. Сутулился. – И нэ крычи. Голова болыт. – Он отошёл от Вовки на шаг и внимательно того осмотрел.

– Заживёт. – Вовка не знал, как себя вести. Первый раз было много народу и Аполлонов и Наташа, чувствовал себе более уверенно, а вот сейчас один на один. Сыкотно. Аж, во рту сразу пересохло.

– Власик, – не поворачиваясь, почти шёпотом, произнёс Сталин, и тут же рядом материализовался главный охранник вождя, словно тут и стоял, а просто Вовка на него внимания не обращал. Только чуть колышущаяся зелёная занавеска на проходе в коридор показывала, что нет, не было тут Николая Сидоровича, только появился. – Власик, почему малчик вес избит?

– Виноват, товарищ Сталин, я подключил уже своих людей в помощь к МУРу. – Спокойно, без крика и выпячивания груди ответил генерал-лейтенант.

– Плохо, товарищ Власик. Этот малчик в последнее время часто бывает рядом с Васей. А ещё он пишэт самые вэсёлые пэсни в СССР. Нужно обязательно найти преступников. И нужно сдэлать, чтобы такоэ болше нэ повторилось. – Сталин чуть согнутым жёлтым пальцем с несколькими тёмными старческими пятнами ткнул в лицо Вовке.

– Вот, принёс, – из-за шторы выступил Василий Иосифович, держа чёрную гитару в руках.

Сталин старший взял со стола трубку и, держа её в руке, протянул вторую, словно милостыню просил. В неё начальник охраны вложил голубую пачку «Новости». Яшин не так давно поведал Фомину страшную тайну про эти сигареты. Якобы для «элитных» табачных изделий в СССР использовался специальный табак. Чтобы собрать его, сборщики выходили затемно, снимали только три верхних листа с растения и прекращали сбор, как только выпадала первая роса. СССР же, может и правда, хотя где-то в будущем слышал Челенков, что всё дело в сорте.

Вождь между тем сломал одну из сигареток и набил табаком трубку. Василий, сам взял из этой же пачки сигарету и, просто чиркнув спичкой, закурил. Вовка стоял с гитарой, сунутой ему Сталиным младшим, и ждал.

– Пой, малчик. Чего нэ поёш? Слова забыл? – захекал Сталин, затянувшись разожжённой Власиком трубкой.

Фомин повернулся, отошёл на три шага назад от карты к креслу, чуть подтянул пару струн. Василий был прав, гитара

немного расстроена.

*Если б я был султан, я б имел трёх жён
И тройной красотой был бы окружён
Но с другой стороны при таких делах
Столько бед и забот, ах, спаси Аллах!*

Эх, губа совсем разболелась, нужные интонации получаются с трудом.

Вовка глаза прикрыл и сосредоточился на словах. Он постоянно забывал куплет про сто грамм.

*Если даст мне жена каждая по сто,
Итого триста грамм – это кое-что!
Но когда на бровях прихожу домой
Мне скандал предстоит с каждою женой!*

Фу, на этот раз почти проскочил. Вовка мысленно вздохнул. Чуть запнулся, как всегда, на «это кое-что», явно слабая рифма.

*Но в квартире моей маленький метраж:
Метра два в ширину, вдоль – четыре аж!
Если в два этажа разместить кровать,
Всё равно Зульфии негде будет спать.*

*Не очень плохо иметь три жены
Но очень плохо с другой стороны*

Один глаз Фомин приоткрыл, всё с той же детской улыбкой сидел на стуле Василий Иосифович. Сам Сталин стоял возле стола, опершись на него руками, и трубка тоненьким дымком перед ним разрезала воздух. В полутьме комнаты его почти не было видно, скорее дымок угадывался по волнам воздуха поднимающегося с ним и искажающим лицо Сталина. Словно, кивал тот головой в такт песне. А, может, кивал.

*Как быть нам султанам ясность тут нужна
Сколько жён в самый раз? Три или одна?
На вопрос на такой есть ответ простой-
Если б я был султан – был бы холостой!*

*Не плохо очень совсем без жены
Гораздо лучше с любой стороны*

Вовка опять прошёлся ладонью по верхней деке гитары, выбивая восточный мотив

*Не плохо очень совсем без жены
Гораздо лучше с любой стороны*

Фу! В процессе и про губу забыл.

– Хорошо. Вэсёлая песня, – Сталин первый раз затянулся неглубоко и сразу выпустил дым. – Опят кров у тэбя, Володя.

Власик, позови доктора. Ха. Ты волшебник, малчик, у меня голова болеть перестала. Ты, Фомин хорошие пэсни поёш, – Челенков думал, что Сталин и не помнит, как его зовут, всё мальчик и мальчик. Ан, нет. И имя помнит и фамилию.

– Спасибо, товарищ Сталин.

– Как заживёт губа, запиши песню на пластинку.

– Там бы, где я по гитаре стучу, нужно оркестр с восточной мелодией включить. – Предложил Вовка.

– Тэбе виднее. Мнэ нравится. Василий, ты позвони на «Мэлодию». Пусть сдэлают, как хочет малчик.

– Конечно, отец. Я третий раз слушаю, и каждый раз всё больше нравится песня. Интересный юмор, неожиданный.

– Иди, Володя, вон товарищ Виноградов пришёл. Он сейчас тебя полечит немного.

Минут через десять, когда Владимир Никитич обработал Вовке губу, и, мазнув на прощанье мазью, пахнувшей камфарой, проговорил, разведя руками:

– Постарайтесь меньше петь молодой человек несколько дней, и двигаться меньше, а то губа плохо заживёт и рубец будет. Как будете с девочками целоваться?

– Фомин, поехали, быстрее, хватит симулировать, – Василий уже несколько раз заглядывал в кухню, где доктор обрабатывал Вовке губу. – Сейчас уже начнётся совещание у Аполлонова. Все там будут. А нас нет. Поехали.



Событие пятнадцатое

Иногда жертвуешь чем-то, тратишь последние силы, и кажется, что все напрасно. Однако если все сделал правильно, награда тебя найдёт.

Роджер Федерер

Звание «Мастер спорта международного класса» введут только лет через пятнадцать. Сейчас для спортсменов после звания мастер спорта есть только одна ступенька. И она последняя и она даётся сейчас единицам. Эта ступенька – «Заслуженный мастер спорта СССР». У хоккеистов таких значков совсем мало. Можно по пальцам пересчитать. Чуть лучше у футболистов. Это звание получила вся команда лейтенантов, что совершила турне по Англии в 1945 году.

В команде МВО ВВС по хоккею, что собралась в приёмной Председателя Спорткомитета Аполлонова Аркадия Николаевича, таких мастеров оказалось семь человек. К чему вся эта математика, а к тому, что решили в Спорткомитете не жадничать, и за привезённых в СССР два международных кубка наградить всех восемнадцать человек, включая Чернышёва Аркадия Ивановича, так как звание «Заслуженный тренер СССР» тоже введут только 1956 году. Ну, и он один раз не удержался и в Давосе вышел на лёд, а, значит, принимал участие и как хоккеист в теперь знаменитом на всю страну турне по Швейцарии и Франции. И наградить

не только премией в две с половиной тысячи рублей каждого, но и присвоить всем, у кого этого звания ещё нет, звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Фомин, если честно, не ожидал. Понятно, что премию дадут, даже грамоту, но звание «Заслуженный мастер спорта». В семнадцать лет перебор? Это же не чемпионат мира? А уже прикалывая значок с легкоатлетом рвущим ленточку под красным знаменем, понял что сейчас не выступают советские спортсмены, особенно хоккеисты и футболисты на крупных международных соревнованиях. Только три турне футболистов было в Англию, Югославию и Скандинавию, и тоже тогда все заслуженными стали. Так это были просто товарищеские матчи. А сейчас кубок Шпенглера всё же официальный турнир. И не виноваты наши хоккеисты, что на голову выше тех же швейцарцев. Заслужили. Вовка просмотрел в приёмной, пока ждали Аполлонова, газеты «Советский спорт» за последнюю неделю. Половина каждой газеты их матчам посвящена. Есть чем Советским людям гордиться. У них сейчас тяжёлая полуголодная неустроенная жизнь у этих людей и победы хоккеистов над проклятыми капиталистами сытыми с разгромным счётом душу людям греют.

Челенков сидел на стуле в кабинете Аркадия Николаевича и краем уха слушал речи Савина и Василия Сталина, а сам вспоминал как уже во время «Перестройки» вышло постановление, которое впервые вводило небольшие льготы обладателям этого звания. Тогда установили надбавку в десять

рублей к окладу для спортсменов и двадцать рублей для тренеров, и ещё какую-то непонятную льготу или премию, но Челенкова она тогда не коснулась. Там членам сборным в составе команд выплачивали семьдесят процентов оклада, пока он учится в учебном заведении после завершения спортивной карьеры. Наверное это касалось динамовцев и армейцев. Спартаковец Челенков на себе этого денежного дождя не почувствовал, хотя ведь учился в это время в Московском государственном горном институте и 1989 году получил звание ЗМС.

Прервал воспоминание Фёдора Аркадий Николаевич, словно его мысли подслушал.

– Сейчас на подписи в Совете министров находится документ, который регламентирует около тридцати льгот для заслуженных мастеров спорта. Все перечислять не буду, только самые важные назову. Это льготная оплата жилплощади, право на дополнительную жилплощадь, ежегодное санаторно-курортное лечение совместно с членами семьи, ежегодная экипировка, бесплатное посещение стадионов и пользование спортивным инвентарём. Много ещё разных льгот, как выйдет постановление, прочтёте в газете. Всё, товарищи, спасибо вам за победы. Все свободны.

Вовка прямо ждал, что сейчас Аркадий Николаевич скажет: «А тебя зятёк, я попрошу остаться». Но нет. Очевидно, успели доложить и о драке, и о её последствиях.

Чернышёв подсуетился и у Спорткомитета динамовцев

ждал их автобус, который сразу отвёз их на стадион. Завтра предстояла игра. 29 декабря они пропустили матч с «Дзержинцем» из Челябинска на своём поле, и теперь уральцы, приехавшие в Москву на матч с «Крыльями Советов» и проигравшие его 1:5 вынуждены будут на следующий день играть с «Динамо».

Аркадий Иванович по дороге растерял всё празднично-благодушное настроение.

– Фомин, вот как на тебя надеяться. Думал уже всё уступить тебе место в первой пятёрке. Староват стал для этого. Вижу сам, что скорость не та уже. Опаздываю везде. А теперь опять придётся на площадку выходить. Что ты за человек такой?! – Чернышёв ткнул пальцем в сине-зелёную физиономию Вовки.

– Аркадий Иванович, я специально ночами хожу по улицам и бандитов разыскиваю, чтобы с ними подраться. Эдакий народный мститель. Убежать надо было. А если пистолет у них? Бежать перекатами и зигзагом?

– Не увиливай. Мужикам опять за тебя карячиться.

– Я выйду с Дзержинцем...

– Никуда ты не выйдешь. Я решаю, кто и когда выходит. Тренируй молодёжь. И готовься к двенадцатому январю к матчу с ВВС. Кого можно из молодёжки взять на замену?

– Валька Кузин. Чуть вес и рост подкачал, зато движется, как метеор. Просто летает над полем.

– Кузин, так Кузин. У тебя вторая тренировка у молодёж-

ки сейчас. Готовься иди, я подойду, посмотрю Вальку этого.



Глава 6

Событие шестнадцатое

Мы в ответе за тех, кого напоили!

Пиво к обеду в меру бери. Пей понемногу – литра по три.

Я столько читал о вреде алкоголя, что решил навсегда бросить читать.

Просто счастье, что соперником оказался новичок высшей лиги челябинский «Дзержинец». Это будущий «Трактор». Сначала обзовут лет через пять «Авангардом», а ещё лет через пять «Трактором». Команда создавалась эвакуированными из Ленинграда в годы войны рабочими. Конечно, никого из них не осталось, подросла молодёжь, попался директор огромного завода – любитель спорта, и создал вот эту команду. До уровня «Динамо» «Дзержинцу» очень далеко. Именно так и решили все до единого динамовцы. А ещё наложились два обстоятельства. Часть народа обмывала присвоение звания ЗМС и выдачу приличной премии, и эта часть пригласила в ресторан вторую часть. Премия была

большая и потому водка с белой головкой лилась рекой. Вторым обстоятельством было то, что практически две недели та часть команды, что не поехала в Давос и Париж, тренировалась очень и очень спустя рукава. Старшим Чернышёв поставил нападающего Николая Поставнина, а ещё приглядывал время от времени за ними и Якушин. Люди, предоставленные сами себе, а ещё немного обиженные, что за границу не взяли их, приходили на тренировку, делились на две половинки и в своё удовольствие часок играли без особого энтузиазма, потом ехали, обедали в столовую и расходились по домам. Мужики в основном женатые, семейные, есть чем заняться дома.

Вовка молодёжь перед отъездом накачал, настрашал, что приедет и устроит тесты, на скорость, на выносливость, на точность паса и старшим поставил Льва Яшина. Этого фаната домой приходилось выгонять, ну, в общежитие. И он так же с недетским фанатизмом отнёсся к возложенным на него обязанностям. Замордовал пацанов. Ничего, то, что их не убивает, делает только сильнее.

С водкой так не работает. С водкой работает наоборот. Она не убивает, но делает слабее.

На матч Чернышёв, очевидно, предчувствуя результаты вчерашнего обмывания красивых значков, дал команду прийти мужикам на полчаса пораньше. Вовка тоже предчувствовал. Он и Вальке Кузину дал команду чуть пораньше прийти и сам приволокся с формой. Синяк никуда не делся

и, трогаешь когда его, отдавался лёгкой болью, нос вёл себя ничуть не лучше, он хоть и перестал сливу огромную напоминать, но при попытке себя пропульпировать, отзывался тупой болью где-то в центре мозга. И губа верхняя разговаривала плохо. То ли мазь так подействовала, что врач наложил, то ли это процесс заживления такой, но она тоже прилично опухла и саднила. Выходило, что в целом, голова была к матчу не готова. При соприкосновении с противником она сразу о себе напомнит. А хоккей это не шахматы, и соприкосновения будут, если выйти на площадку.

Поединок команд «Динамо» Москва и «Дзержинец» Челябинск начался 12 января в шесть часов вечера. За то время, что они в Москве отсутствовали, чуда не произошло. Вышек с прожекторами по углам площадки не поставили, деревянных трибун тоже не добавилось. Всё по-прежнему. Деревянные борта из неструганных досок с наружной стороны засыпанные снегом, для прочности, трибуны амфитеатром из утоптанного снега и новогодними гирляндами лампочки в семь рядов над площадкой. Стабильность. И не менее стабильно пришло посмотреть матч почти десять тысяч человек, которые не вошли на трибуны. Несколько тысяч человек столпились за трибунами из снега и видеть ничего не могли, два источника информации у них имелось, чуть хрипящий и не всегда внятный комментарий Вадима Синявского и крики счастливых, оказавшихся на деревянных и снежных трибунах.

Синявский перед матчем по своей привычке зашёл в раздевалку к динамовцам и пожелал удачи, а заодно и поздравил новых заслуженных мастеров. От Вовки отшатнулся.

– Это да! Как под трактором побывал. – Потом осмотрел ещё раз, покачивая головой, – Ничего, Фомин, заживёт до свадьбы. В хоккей играют настоящие мужики, а их синяки и шрамы украшают.

– Угу. Теперь традиция у нас такая в команде, как важная игра, так Артист побитый и играть не может, – буркнул стоящий рядом Чернышёв.

Несло перегаром от всей команды. И несло – это самый безобидный из эпитетов. Разило лучше. С ног сшибало – в самый раз. На разминке покидали единственному адекватному игроку в команде Вовке Третьякову по несколько шайб, да проехали от ворот до ворот. Третьякова Фомин на обмывание значка не пустил. Заманил к себе и тётя Света сняла с него мерки. Тоже ведь в сумме больше пяти тысяч получил. Вполне на новое пальто, новый костюм и пару рубашек заработал. Его же отправил Вовка на Казанский вокзал за швейными машинками и чемоданом с тканями со Светой. Сам пугать москвичей сине-зелёной физиономией не стал. Страна, конечно, должна знать своих героев, но не в таком виде.

И не понятно, то ли зря отправил, то ли наоборот правильно поступил, но швея уж очень тщательно с Третьякова мерки вечером снимала. И ещё они договорились на следу-

ющий день после матча сходить в коммерческий магазин за тканями и там вместе выбрать, что «Вовочке» понравится.

Ну, а что хотел? Тётя Света отлично понимает, что Наташа – это стена и её не отодвинешь. И так же отлично понимает, что если охомукает Третьякова, то считай, половина дела сделана. Вовка получает иногда за месяц больше, чем высокооплачиваемый слесарь шестого разряда за год. И если они вернутся чемпионами мира по футболу или хоккею, то и нормальная квартира в Москве перепадёт. А ещё подарки из-за границы. А то что она на восемь лет старше Третьякова, так что. Повезло, выходит пацану и мать будет и любовница и жена одновременно.

– Ей, Артист, а ты чего не на площадке? – Вовка сидел на скамейке запасных, завёрнутый в одеяло, и смотрел, как ползают по льду динамовцы, и не заметил, как со стороны трибун подошёл Якушин. – Ох, ты! Ничего себе! Аркадий говорил, что тебя избили, но что ты такой красивый постеснялся сказать.

– Пусть не лезут.

– Ну, ну. Видишь, что творится? – Хитрый Михей сделал всеохватывающий жест в сторону динамовцев.

– Переоделся даже.

– Правильно. Не знают мужики меры. И Аркадий хорош. Иди, разминайся и десяти минут не пройдёт, как ты там понадобишься.

Событие семнадцатое

Если похмелье не лечить, то оно проходит за день! Если лечить за десять дней.

– А что будет, если выпить очень много водки?

– Будет послезавтра.

Хитрый Михей ошибся. Первый период динамовцы продержались. Вернее их продержал Третьяков. Сейчас всякой статистики – сколько та или иная команда бросила в сторону ворот противника, сколько в створ ворот, никто не ведёт. Вовка, сидя на скамейке, и хватаясь за голову, и мысленно и на самом деле, тоже точно не считал, но выходило, что челябинцы бросили по воротам Третьякова раз двадцать и один раз даже почти щелчок у них получился, а Вовка пропустил только один раз, и то шайба очень хитрая получилась. Она ударилась о конёк кого-то из «Дзержинца», отскочила в штангу, от неё отправилась назад на площадку, но тут конёк Васи Комарова её полёт прервал и отправил в свои ворота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.